ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 МАРТА

Допрос подсудимого Розенгольца*)

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, расскажите кратко о вашей преступной деятельности.

Розенгольц. Я, как известно, был участником троцкистской профсоюзной оппозиции во время профсоюзной дискуссии в 1920—21 гг. Затем в 1923 году я подписал так называемую платформу «сорока шести».

В 1929 году Крестинский привез мне директиву Троцкого о том, чтобы Крестинский и я законспирировались и по возможности заняли бы ответственное положение, заняли бы выжидательную позицию до того момента, когда соответствующие силы в стране, по мнению Троцкого, могли одержать верх, и мы могли бы принять участие в организации новой власти.

Вышинский. Значит, в 1929 году Крестинский привез вам директиву от Троцкого?

Розенгольц. Да. Далее, в 1933 году Крестинским было получено письмо из-за границы. В 1933 году я был за границей и в Фельдене в Австрии имел встречу с Седовым. Затем я виделся с Седовым в 1934 году в Карлсбаде.

Вышинский. Содержание ваших разговоров?

Розенгольц. Седов передал следующие директивы Троцкого: рекомендовалось связываться с правыми и работу вести в контакте с ними.

Вышинский. С кем конкретно?

Розенгольц. Крестинский сообщал, что он имел указания в отношении Рыкова и Рудзутака. Затем Седов много говорил о необходимости максимальной, возможно более тесной связи с Тухачевским, поскольку, по мнению Троцкого, Тухачевский и военная группа должны были быть решающей силой в контрреволюционном выступлении. В разговорах выявилось также имеющееся у Троцкого опасение в отношении бонапартистских тенденций Тухачевского. Поэтому Троцкий предлагал во время переворота повсюду ставить своих людей.

Во исполнение этой директивы Крестинский был связан с Тухачевским. В течение всего этого периода времени, с 1933 по 1937 гг., у меня связь была с Рыковым и с Рудзутаком.

Наиболее существенный момент в этих переговорах с Седовым—это вопрос относительно наметки состава правительства. Седов также передал директивы Троцкого по организации террора. В 1933 же году были директивы и указания в отношении вредительства в области внешней торговли. Поскольку Седов сообщил об имеющемся у Троцкого соглашении с соответствующими германскими кругами, вопрос вредительства имел с этой точки зрения очень существенное значение для Троцкого, для поддержания и его авторитета, и поддержания соглашения. Основные линии вредительства шли в направлении возможной помощи в области внешней торговли интересам Германии и Японии. Затем был поставлен вопрос, и он несколько раз и очень настойчиво ставился со стороны Троцкого и Седова, вопрос о финансировании через каналы внешней торговли троцкистского движения.

Вышинский. Как тогда ставился вопрос о войне?

Розенгольц. В отношении войны линия у Троцкого была на поражение.

Вышинский. Предполагалось, что будет война? Когда?

Розенгольц. В 1935 и 1936 гг.

Вышинский. Значит тогда Троцкий предполагал, что война должна возникнуть в 1935, 1936 гг. и в этой связи...

Розенгольц. Стоял вопрос о перевороте. Причем здесь произошло изменение в установках, потому что сначала шел вопрос о желательности и необходимости осуществления военного переворота применительно к срокам возможного начала войны. А потом ввиду выяснившейся оттяжки войны стал вопрос о том, что желательно ускорить переворот, не дожидаясь военных событий. Это было уже в 1937 г.

Вышинский. Как вы реагировали на арест Пятакова в этом плане?

Розенгольц. Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание у меня на квартире.

Вышинский. А что это за письмо было, нельзя ли подробнее узнать?

Розенгольц. Там Троцким ставилось несколько вопросов. Прежде всего указывалось, что если будут медлить, то произойдет то, что по частям будут разгромлены все контрреволюционные силы. Поэтому, поскольку уже значительный разгром кадров произведен, необходимо ряд возможных акций максимально ускорить.

Вышинский. Например?

Розенгольц. В ответ на приговор суда о расстреле Пятакова ставился вопрос об организации террористических актов в отношении руководителей партии и правительства и вопрос в отношении максимального форсирования военного переворота.

Вышинский. Не припоминаете ли вы, что в этом письме Троцкий давал оценку поведения на суде Пятакова, сознавшегося в своих преступлениях?

Розенгольц. Я точно не припоминаю этого момента.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, вы не припоминаете, что Троцкий писал в этом письме?

Крестинский. В этом письме было негодование Троцкого по поводу поведения Пятакова. Было предложение о том, чтобы в дальнейшем, если такой случай будет,—так себя не вести.

Вышинский. А как себя вести?

Крестинский. Не признавать свою вину.

Вышинский. Может быть, ваше поведение на суде два дня тому назад тоже было продиктовано вот этой директивой?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Но эту директиву Троцкого вы помнили?

Крестинский. Помнил.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц. Момент, на котором я остановился, это совещание, которое было с Тухачевским.

Вышинский. Где было это совещание?

Розенгольц. У меня на квартире.

Вышинский. У вас было на квартире совещание, с кем?

Розенгольц. С Тухачевским и с Крестинским. Это было в конце марта 1937 г. На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая ему удастся этот военный переворот осуществить.

Вышинский. В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Розенгольц. Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это возможность для группы военных его сторонников собраться у него на квартире, под каким-нибудь предлогом проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства.

Вышинский (к Крестинскому). Вы подтверждаете это?

Крестинский. Да, подтверждаю. Совещание это было у Розенгольца.

Розенгольц. Мы с Крестинским обсуждали вопрос о возможном террористическом акте в отношении председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский. Продолжайте.

Розенгольц. Преступно была использована внешняя торговля в отношении расхищения средств для финансирования троцкистского движения. Назову два наиболее крупных примера. Первое—это операции, которые осуществлял Краевский в размере до трехсот тысяч долларов, которые были переданы троцкистской организации или Троцкому непосредственно.

Осуществлялось это через соответствующие фирмы путем использования Седова в качестве комиссионера. Затем это финансирование было организовано также мною лично, когда я вошел в соглашение с одним официальным лицом в Москве при заключении договора.

Вышинский. С каким официальным лицом?

Розенгольц. С представителем одного из государств.

Вышинский. Одного из иностранных государств?

Розенгольц. Да. Относительно соглашения, по которому, примерно, около ста десяти тысяч долларов ежегодно в течение трех лет должен был получать Троцкий.

Вышинский. Так что финансирование Троцкого было вами налажено регулярно и как следует?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Это более крупное, а по мелочам? Например, в 1933 г. Было передано в распоряжение Троцкого две тысячи фунтов стерлингов?

Розенгольц. Это помимо меня, но с моего ведома, конечно.

Вышинский. Это по линии внешней торговли, а вы были тогда...

Розенгольц. Я был наркомом внешней торговли и с моей санкции и с ведома...

Вышинский. Значит вами. Значит две тысячи фунтов стерлингов передано. Это тоже крупная сумма, но перед ста десятью тысячами долларов—это мелочь. А в 1934 году 15 тысяч фунтов стерлингов тоже было передано Троцкому?

Розенгольц. Да, 15 тысяч фунтов, потом еще один раз десять тысяч фунтов.

Вышинский. Пятнадцать тысяч, потом 10 тысяч, потом две тысячи, набирается уже двадцать семь тысяч фунтов стерлингов.

Розенгольц. И еще двадцать тысяч марок.

Вышинский. Значит, деньги все-таки приличные. К этому еще добавить триста тысяч долларов. За какой срок?

Розенгольц. Это с 1933 года. По экспортлесу триста тысяч.

Вышинский. По экспортлесу—это особо. Дальше еще, что вы имеете показать?

Розенгольц. Теперь я хотел отметить еще, что в более ранние годы—в 1923 году, в связи с имевшимся у меня деловым контактом...

Вышинский. С кем?

Розенгольц. С немецкими военными кругами. Троцкий предложил передать Секту сведения о советских военно-воздушных силах.

Вышинский. И вы передали?

Розенгольц. Да, я эти сведения передал.

Вышинский. Кроме денег Троцкому, вы еще передали шпионские сведения Секту?

Розенгольц. Да, да, это было в 1923 году.

Вышинский. И позже, потом?

Розенгольц. Начиная с 1931 года передавались сведения о заказах по внешней торговле.

Вышинский. Секретные, государственные?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Вам не известно, еще кто-либо другой передавал ли аналогичные сведения Секту в то время?

Розенгольц. Я знал, что у Крестинского была какая-то нелегальная связь с рейхсвером.

Вышинский. Значит, вы, подсудимый Розенгольц, с 1923 года начали передавать шпионские сведения иностранным государствам?

Розенгольц. Правильно.

Вышинский. Продолжайте дальше.

Розенгольц. Теперь относительно вредительства я хочу отметить, что это вредительство ставило задачей помощь Германии главным образом и частично Японии.

Из наиболее крупных актов этого вредительства, которое, понятно, является одновременно и изменнической деятельностью, я назову заключение нефтяного договора с Германией. Назову факт экспорта золото-отходов в Германию, в то время, как рациональнее было бы их перерабатывать в Советском Союзе. Далее, экспорт цинковых концентратов, авансовый экспорт, затем экспорт чугуна в Японию по удешевленным ценам и в значительном количестве в тот период, когда на рынке была острая нужда в чугуне. Выдача фрахтовых ордеров с задержкой, что вызвало переплату, заключение ряда невыгодных условий в договорах, в частности формулировку пункта о форсмажоре. Также задержка экспорта в Монголию, западный Китай.

Особенно нужно отметить вредительство, вытекающее из задачи на поражение,—это задержка оборонного импорта.

Вот собственно все основное.

*) Сокращенная стенограмма.

Второй допрос подсудимого Крестинского*)

Председатель. Подсудимый Крестинский, расскажите вкратце о вашей контрреволюционной деятельности, не останавливаясь на тех моментах, которые уже освещены.

Крестинский. Я начал мою нелегальную троцкистскую деятельность в конце 1921 года, когда по предложению Троцкого я дал свое согласие на создание нелегальной троцкистской организации и на включение меня в состав ее центра, предусмотренного в составе: Троцкого, Пятакова, Серебрякова, Преображенского и меня, Крестинского. Это предложение Троцкий сделал мне сейчас же после X-го с'езда. Годом позднее я совершил преступление—это именно то, о чем я рассказал во время допроса подсудимого Розенгольца,—мое соглашение по поручению Троцкого с генералом Сектом, с рейхсвером в его лице, о финансировании троцкистской организации в обмен за те услуги шпионско-разведывательного характера, которые мы при этом брались оказывать рейхсверу. С 1923 года соглашение с Сектом приводилось в исполнение, главным образом в Москве, иногда в Берлине. В 1926 году рейхсвер поставил вопрос об отказе от этого соглашения. Я думаю, что это был тактический шаг для того, чтобы поставить нам повышенные требования...

Вышинский. Кому «нам»?

Крестинский. Троцкистам. Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты...

Вышинский. Привыкли к получению денег от иностранных разведок?

Крестинский. Да, эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее...

В 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством как в Москве, так и в братских партиях, отказ от этих денег мог бы подрезать борьбу троцкистов. И поэтому, когда Сект предупредил, что он предполагает прекратить это субсидирование, я, естественно, поставил вопрос, на каких условиях он согласился бы продолжить соглашение.

Тогда он выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему не систематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, т. е., главным образом, требования получения концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Троцкого и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения.

Вышинский. Не скажете ли вы, сколько было всего получено денег?

Крестинский. Начиная с 1923 года до 1930 года, мы получали каждый год по 250 тыс. германских марок золотой валютой.

Вышинский. Это составит примерно 2 миллиона золотых марок за эти годы?

Крестинский. Да, примерно 2 миллиона золотых марок. В октябре 1928 года я получил от Троцкого, который в то время был в ссылке, из Алма-Аты письмо. В этом письме содержалось указание Троцкого о получении немецких денег, которые он предлагал передать или Маслову, или французским друзьям Троцкого, т. е. Росмеру, Маллене Наз и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов. Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги он получил.

Вышинский. А кто такой Гаммерштейн?

Крестинский. Гаммерштейн был в тот период начальником штаба рейхсвера, а с 1930 года стал командующим рейхсвером. При нашем свидании он завел со мной, не говоря о нашей обязанности сообщать шпионские сведения, политическую беседу на международные темы с тем, чтобы получить от меня некоторую информацию. Небольшую информацию секретного характера я ему дал.

Вышинский. Деньги он уплатил?

Крестинский. Да, деньги он дал.

Вышинский. Он знал, за что дает?

Крестинский. Знал.

Вышинский. Контакт с Сектом у вашей троцкистской организации имел место даже до 1921 года?

Крестинский. Там был контакт с ним, о котором я не хочу говорить в открытом заседании.

Вышинский. Кое-что можно сказать сейчас. Во-первых, кто такой был Копп?

Крестинский. Копп был вообще старый меньшевик. Он был близким человеком к Троцкому.

Вышинский. В июле 1920 года по вопросу, о котором вы, очевидно, не думаете здесь говорить, а скажете в закрытом заседании, этот самый Копп наладил контакт с Сектом?

Крестинский. Да. Сект обратился к Коппу.

Вышинский. Я делаю из этого вывод, что не только в 1921 и 1922 году, но еще в 1920 году Троцкий через Коппа прощупывал и нашел дорогу к Секту.

Крестинский. Подробностей этого я не знаю, тогда были официальные встречи.

Вышинский. Позвольте огласить следующее место в томе III 13-й оборот: «во время этих разговоров стал вопрос о денежных средствах для конспиративной троцкистской работы... Этот вопрос о денежных средствах поднял Троцкий»...

Крестинский. Верно.

Вышинский. ...«у которого были какие-то затруднения в использовании для конспиративных троцкистских целей аппаратных средств. Тогда Копп предложил сделать попытку получить необходимые денежные средства от германского рейхсвера... Контакт между Коппом и генералом Сект был уже таким образом установлен»...

Это показание обвиняемого Крестинского от 9-го июня 1937 года. Обвиняемый Крестинский, вы это подтверждаете?

Крестинский. Да, да.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, продолжайте.

Крестинский. В 1929 году осенью, когда я находился в отпуску на юге Германии в Кисингене, ко мне по телефону позвонил из Берлина Якубович и сообщил, что сын Троцкого хочет меня повидать по поручению отца. Я предложил ему приехать в Кисинген. На другой день или через день приехали Седов и Якубович.

Информация Седова заключалась в том, что Троцкий советует высланным и исключенным троцкистам подавать заявления о том, что они отказываются от оппозиционной борьбы и о принятии их обратно в партию. В частности он сообщил, что с Пятаковым и Радеком я могу откровенно разговаривать, хотя Пятаков подал заявление об отходе от троцкизма в 1928 году, а Радек, кажется, в 1929 году, и указал, что они остаются сторонниками троцкизма.

Далее он сказал, что необходимо отказаться от работы в массах, нужно заботиться о том, чтобы сохранить организационный костяк, чтобы эти люди проникали в партийные и советские организации и старались занять там более или менее самостоятельные, ответственные посты, чтобы велась работа в строго законспирированном виде по привлечению новых сторонников из числа надежных людей в единичном порядке для увеличения и укрепления кадрового костяка. Я должен был продолжать отношения с рейхсвером по получению денег и по передаче информаций, и я должен был наладить связь между Троцким и его уполномоченными в Европе и троцкистами в Советском Союзе.

Связь с Троцким была установлена следующим образом. В Берлине, еще год приблизительно после моего от'езда, оставался Якубович, и мы договорились с ним, что он будет получать от меня в дипломатической почте письма, если будет нужно для переотправки Троцкому, а он во время свидания с Седовым договорился о тех парижских адресах, по которым он будет пересылать эти письма.

Кроме того, у меня установилась в то время связь с другим работником Полпредства—Штерном, который питал троцкистские симпатии. Я договорился с ним, что если Якубович будет уезжать из Берлина, то я прошу Штерна от Якубовича эти мои поручения и задания перенять, что и было сделано.

Кроме того Радек обратился ко мне, а я через некоторых моих наркоминдельских работников отдела печати наладил снабжение некоторых иностранных корреспондентов секретной информацией.

Вышинский. Расскажите, как была организована ваша встреча с Троцким в Меране.

Крестинский. Я был проездом несколько дней в Берлине. В Берлине сидел советником наш троцкистский человек Бессонов, у которого связь с Троцким должна была быть, ибо, когда он в мае 1933 года уезжал в Берлин, я говорил, чтобы он эту связь установил.

Я еще был в Кисингене, когда мне позвонил Бессонов по телефону и сообщил, что встреча состоится в Меране. Троцкий приехал в Меран около 10 октября вместе с Седовым.

Приехал Троцкий, как он мне говорил, под чужим французским паспортом, и приехал тем маршрутом, о котором говорил Бессонов, т. е. через франко-итальянскую границу, а не через Швейцарию и Германию. Для Троцкого вопросы, о которых мы думали в Москве, были бесповоротно решены, и он сам перешел к изложению своих указаний по этому поводу. Он сказал, что поскольку мы с 1929 года перешли к организации заговорщического типа, постольку, естественно, захват власти может быть осуществлен только силой. Но наша заговорщическая организация никакого переворота сама произвести не может. Необходимо по этому поводу прямое соглашение с какой-нибудь буржуазной страной. Он отметил, что зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с рейхсвером. Но это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни троцкистов, ни немецкую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контрагентом в этом деле является только рейхсвер, а не германское правительство в целом.

Второе. В чем сущность соглашения с рейхсвером? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза. А нам нужны не 250 тыс. золотых марок, нам нужны германские вооруженные силы для того, чтобы при их помощи притти к власти, и в этом направлении нужно вести работу. Эта работа есть изменническое соглашение с иностранным правительством об использовании вооруженных иностранных сил для победы над Красной Армией и для открытия пути к власти троцкистам.

Но ведь, если даже произойдет нападение, скажем Германии на Советский Союз, это еще не дает возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут в этом направлении подготовлены известные внутренние силы. А троцкисты, как таковые, недостаточно многочисленны и сильны, чтобы такую организацию одним создать. Необходимо иметь опыт и в городе и в деревне у мелкой буржуазии и кулаков, а там связь имеют, главным образом, правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной Армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты, притти к власти.

Из этого вытекало: первая установка была на соглашение с иностранными правительствами, вторая—на создание в Советском Союзе об'единенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков.

Говоря о правых, о необходимости организационно связаться с ними, Троцкий говорил, что не надо ограничиваться Рыковым, Бухариным и Томским, так как хотя они и признанные вожди правых, но они в достаточной степени уже скомпрометированы и что надо использовать для связи Рудзутака, который в течение многих лет сидел в советском правительстве и никогда никому не было известно о каких-либо его разногласиях с партией и поэтому надо на него обратить внимание и связаться с ним.

Что касается военных, то, говоря о них, Троцкий назвал только одно имя—имя Тухачевского, как человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который несомненно с нами пойдет.

Дальше Троцкий развил мысль о необходимости террора, вредительства и диверсий, причем диверсионные акты и террористические акты он рассматривал под углом зрения и применения их во время войны и для дезорганизации обороны Красной Армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота. И в то же время эти диверсионные и террористические акты давали бы ему, Троцкому, большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны, и достаточно активны.

Он брал на себя переговоры с немцами. Что касается японцев, о которых он говорил, как о силе, с которой надо тоже договориться, то он говорил, что ему непосредственно пока с ними связаться трудно, что надо будет говорить с ними в Москве, что для этого надо использовать Сокольникова, который работает в Наркоминделе и как раз занимается восточными делами. Он просил меня об этих всех установках, и в частности о необходимости снестись с японцами, передать Пятакову. Кроме того, он просил меня, чтобы, не ограничиваясь разговором Пятакова с Тухачевским и Рудзутаком, я тоже с ними повидался, потому что я имею возможность рассказать о непосредственном разговоре с Троцким, о непосредственном впечатлении, а это может в этом смысле оказать несколько большее влияние. Этим я заканчиваю мое свидание с Троцким в Меране.

Я должен изложить последствия своих действий по возвращении из-за границы. Возвратившись, я сразу информировал о своих разговорах Пятакова и Розенгольца. Пятаков переговорил с Тухачевским и Рудзутаком.

В феврале 1934 г. я виделся и с Тухачевским и Рудзутаком, передал содержание разговора. Получил от обоих принципиальное подтверждение, признание линии на соглашение с иностранными государствами, на их военную помощь, на поражеческую установку, на создание внутренней об'единенной организации. Они заявили далее, что вопрос у них не в принципе, а в необходимости выяснить свои силы. После этого будет дан окончательный ответ Пятакову как главному представителю троцкистской организации в СССР.

Еще до получения мною сообщения от Пятакова, что дело уже завершено и соглашение заключено, я уже тоже начал у себя в наркомате подбирать силы и намечать, на кого я могу опираться в случае контрреволюционного выступления.

В начале 1935 года Пятаков сообщил, что договоренность есть, назвал состав центра, который я уже приводил вчера, и сообщил, что я и Розенгольц будем, не входя в состав центра, работать под его руководством, главным образом, по намечению и подготовке будущего правительственного аппарата. Это было разделение труда. Нам было указано, что по этому делу мы будем связаны с Рудзутаком от правых и Тухачевским.

Теперь относительно намечения сроков выступления. С самого момента моего свидания в Меране считалось непререкаемо установленным, что выступление приурочивается к началу войны и что поэтому мы самостоятельно здесь, в Союзе, сроков выступления Тухачевского устанавливать не можем. Этот вопрос выходил за пределы компетенции моей и Розенгольца: мы были связаны с Тухачевским, Рудзутаком и Рыковым, но по вопросам высокой политики и о сроках выступления велись разговоры Пятаковым. Мы ждали начала войны, ждали нападения. Когда после ареста Пятакова и Радека Бессонов уезжал в Берлин, я, пользуясь его от'ездом, послал устную информацию Троцкому о том, что я, по согласованию с Розенгольцем и Рудзутаком, формулирую положение так: мы считаем, что арестовано довольно много троцкистов, но тем не менее основные силы этого антисоветского соглашения—троцкисты, правые и военные заговорщики—еще не затронуты, не разгромлены, что выступление может состояться и что для этого нужно центру ускорить внешние иностранные выступления. Это было в октябре 1936 года. Но в конце ноября 1936 года на Чрезвычайном VIII с'езде советов Тухачевский имел со мной взволнованный серьезный разговор. Он сказал: начались провалы. Очевидно пойдет дальнейший разгром троцкистов и правых. Он делал выводы: ждать интервенции не приходится, надо действовать самим. Тухачевский говорил не только от своего имени, но и от имени контрреволюционной организации военных. Я поговорил с Розенгольцем, затем поговорили с Рудзутаком и пришли к выводу, что Тухачевский прав, что дело не терпит; решили запросить Троцкого. С дипломатической почтой я переслал письмо Троцкому через Бессонова. В письме речь шла о перемене установки на непременную связь между нашим внутренним выступлением и войной. Я говорил о необходимости ускорить выступление. Для меня было ясно, что

*) Сокращенная стенограмма.

(Продолжение см. на 3 стр.).